

Иван Мажаев

В борьбе с Левиафаном

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ФЕЛИКСА ХЕММЕРЛИ
И РЕЦЕПЦИЯ ЕГО ТРУДОВ

Ivan Mazhaev

Fighting the Leviathan: Polemical Techniques of Felix Hemmerli and the Reception of His Works

Иван Мажаев

НИУ ВШЭ, Аспирант школы
исторических наук
vanich1917@gmail.com.

Ключевые слова: Феликс Хеммерли, XV век,
приемы полемики, Швейцария, Церковь

УДК: 821.124

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_58

В статье рассматриваются художественные и полемические особенности текстов клирика и юриста Феликса Хеммерли. Наследие Хеммерли, писавшего в первой половине XV века, неразрывно связано с критикой Церкви, борьбой против злоупотреблений клириков и конфликтами с швейцарцами-конфедератами. Исследователи его творчества делали упор на политическую и церковную борьбу Хеммерли, игнорируя его особенности как автора. В статье предпринята попытка сопоставить полемические приемы Хеммерли, его образ у современников и более поздних исследователей, чтобы выявить дальнейшую перспективу исследования его творчества.

Ivan Mazhaev

Higher School of Economics,
Doctoral School of History, PhD student
vanich1917@gmail.com.

Keywords: Felix Hemmerli, 15th century, polemical techniques, Switzerland, Church

UDC: 821.124

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_58

The article examines the literary and polemical features of the texts of the cleric and jurist Felix Hemmerli. Hemmerli's heritage, who wrote in the first half of the 15th century, is inseparably linked to his criticism of the Church, his struggle against clerical abuses, and his conflicts with the Swiss Confederates. Scholars of his works have emphasized Hemmerli's political and ecclesiastical struggles, ignoring his characteristics as a writer. The article attempts to compare Hemmerli's polemical methods, as well as his portrait of contemporaries and later scholars, in order to identify further perspectives for the study of his writings.

Активное развитие книжного рынка и увеличение количества деловой документации в XV веке позволяют нам сегодня составить вполне целостное представление о том, как развивалась культура того времени, по сравнению с предыдущими веками. Одним из следствий того, что нам известно больше имен и названий, становится возможность — требующая тем не менее много смелости — говорить не только о выдающихся авторах тогдашней литературы, но и ее «аутсайдерах». К последним можно отнести цюрихского клирика Феликса Хеммерли (1388–1458), плодовитого, но не известного почти никому, кроме десятка швейцарских и немецких историков, писателя.

Обращение к текстам Хеммерли и его образу в историографии полезно не только для медиевистов и исследователей истории Швейцарии. Хеммерли — один из свидетелей глобальных изменений в повседневной жизни и догматике католической церкви в первой половине XV века. Эти изменения слишком часто остаются за кадром больших исторических нарративов: до Реформации и религиозных войн XVI века еще далеко, а Средневековье уже вступило в фазу

своей «осени». В то же время современниками и его позднейшими читателями Хеммерли воспринимался как выразитель острой социально-политической критики и совсем не бесталанный сатирик. Его своеобразие лежит на стыке художественных и политических амбиций, а это, в свою очередь, наложило особый отпечаток как на форму, так и на содержание его сочинений.

В мои задачи не входит пересмотр канона позднесредневековой европейской литературы. Однако я уверен, что фигуры второго плана всегда позволяют нюансировать наш взгляд на ключевые имена и события. Анализ творческого метода Хеммерли я попробую провести в той форме, которую одобрил бы сам Хеммерли, — судебного разбирательства. Чтобы вынести справедливый приговор, я обращусь как к стороне обвинения, голоса которой преимущественно будут состоять из реальных, исторических противников Хеммерли, так и стороне защиты — менее многочисленной, но все же авторитетной группе.

* * *

Судебные разбирательства сопровождали Хеммерли с начала карьеры и продолжались после смерти: его сочинения были внесены в ватиканский «Индекс запрещенных книг» в 1559 году и оставались там до конца XIX века¹. Сто лет, отделяющие выход «Индекса» от смерти Хеммерли в 1458 году, стали временем бурных социально-религиозных перемен в Цюрихе, во время которых сочинения Хеммерли стали вызывать интерес как протестантских, так и католических цензоров². Год смерти Хеммерли, указанный выше, — примерный, поскольку о последних годах жизни автора известно немного. Их он провел в застенке у епископа Констанца Генриха фон Хевена и в заточении во францисканском монастыре в Люцерне.

Начало карьеры Хеммерли как клирика и его дебют как автора пришлось на время двух европейских соборов — Констанцкого (1414–1418) и Базельского (1431–1449). К началу первого из них Феликсу Хеммерли было 26 лет. Как уроженец Цюриха и выходец из уважаемой городской семьи цеховых мастеров и клириков Феликс получил первоначальное образование в приходской школе главной церкви города — Гросмюнстере. Затем, в 1413 году, стал бакалавром канонического права Эрфуртского университета, где, по-видимому, испытал влияние теолога Йоханнеса Захария³, после учился в Болонье, где стал *doctor decretorum* в 1424 году. До 1430-х годов он продолжал накапливать пребенды и улучшать свое церковное положение: с 1411 года Хеммерли — каноник церкви святого Маврикия в Цофингене; с 1412 года — его родного Гросмюнстера; с 1421 года он — настоятель кафедрального собора святого Урса в Золотурне. В 1420-е годы как прокуратор Гросмюнстера, церкви святого Маврикия и

-
- 1 Walter H. Der Exorzismus-Traktat des Felix Hemmerlin // *Mediaevistik. Internationale Zeitschrift für interdisziplinäre Mittelalterforschung*. 2007. Bd. 20. S. 261–263.
 - 2 Герман Вальзер цитирует пометы, оставленные анонимным читателем Хеммерли временен Ульриха Цвингли: «Читай Хеммерли с трезвым суждением или не читай вообще», «он начал за здравие, а закончил за упокой», «чем учнее, тем извращеннее», «посмотри, как он извращает смысл божественного слова» (*Walser H. Meister Hemmerli und seine Zeit 1388–1458*. Zürich: M.S. Metz, 1940. S. 295).
 - 3 *Egner Eid E. Der Chorherr Felix Hemmerli im Spiegel einiger seiner kirchenpolitischen Schriften*. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2022. S. 13.

монастыря Энгельберг он не раз ездил в Рим ко двору папы Мартина V. Об участии Хеммерли в Констанцском соборе известно, что он был сторонником партии умеренных реформаторов, среди которых был знаменитый парижский канцлер Жан Жерсон, и выступал как апостольский нотариус и доверенное лицо по церковным делам городского совета Люцерна. Пиком карьеры еще молодого юриста должно было стать место настоятеля Гросмюнстера, которое, однако, в 1427 году досталось другому клирику — кантору Генриху Анненштеттеру. Хеммерли занял место кантора, второе по влиянию после настоятеля⁴. В 1432–1435 годы Хеммерли участвует в работе Базельского собора, а в 1438 году пишет свое первое сочинение «Против здоровых нищенствующих» («*Contra validos mendicantes*»). Начиная с этого времени Хеммерли вступил на путь ожесточенной полемики и разбирательств, а значит, нам пора выслушать сторону обвинения.

Первыми против Хеммерли должны свидетельствовать герои «*Contra validos mendicantes*» и другого сочинения, написанного в тот же год и на ту же тему: «Против отшельников, бегардов и бегинок, живущих в лесу» («*Contra anachoritas beghardos beginasque silvestres*»). Несмотря на то что эти сочинения были написаны уже после того, как Хеммерли вернулся из Базеля в Цюрих, вдохновлены они были проблемой, обсуждавшейся на соборе и для его участников⁵. В дебютном произведении Хеммерли два героя, вступающих друг с другом в спор, — сам автор и бегард, член полумонашеской общины, не принадлежащий ни к одной официальной конгрегации. Уже здесь мы сталкиваемся с излюбленным приемом Хеммерли — художественной полемикой, которую он будет использовать против всех своих оппонентов. Автор встречает на дороге бегарда, который внешне неотличим от монаха, но при этом пьян и тучен, что не мешает ему просить милостыню. Тон знакомству задается сразу: «Ты и впрямь из того мерзкого племени злодеев, которое в народе называют бегардами»⁶.

Поэтика Хеммерли — это полемические приемы, вплетенные в разнообразные жизненные ситуации. Для того чтобы оценить степень нанесенной нашим обвинителям обиды и мастерство подсудимого, необходимо обратиться к полемической терминологии. В «Против нищенствующих» полемические адресант и адресат определяются довольно четко. Хеммерли, как и в любых других своих сочинениях, делает полемическим адресантом, то есть своеоб-

-
- 4 До 1427 года настоятелем был университетский друг Феликса Леонард Мошарт. После его смерти Феликс получил специальное папское разрешение на его место, но его занял кантор Анненштеттер. Хеммерли тем не менее высоко ценил имя кантора, зачастую ссылаясь на своего предшественника в Гросмюнстере — первого кантора церкви и плодотворного автора — Конрада фон Муре (1210–1281) (*Halter-Pernet C. Felix Hemmerli, Zürichs streitbarer Gelehrter im Spätmittelalter. Zürich: Chronos, 2017. S. 98*).
- 5 Ibid. S. 352. Как сам позже вспоминал Хеммерли, это сочинение имело успех у членов собора и получило широкое распространение. Для многих участников собора это мероприятие стало удобной возможностью продемонстрировать писательский талант, что справедливо и в случае Хеммерли. См., например: *Cardelle de Hartmann C. Kirchenstreit und humanistischer Dialog: Piccolominis Libellus dialogorum de generalis concilii auctoritate et gestis Basiliensium // Polemik im Dialog des Renaissance-Humanismus: Formen, Entwicklungen und Funktionen / Hg. von U. Baumann, A. Becker, M. Lau-reys. Bonn: Bonn University Press, 2015. S. 40*.
- 6 «Vere tu ex illis es, videlicet de statu abhominabili quorundam hominum malignorum, qui beghardi vulgariter nuncupantur» (*Egner Eid E. Op. cit. S. 142, 144*).

разным протагонистом дискуссии, самого себя. Он называет себя по имени и ссылается на истории из своей реальной жизни. Проблема авторской саморепрезентации, равно как репрезентации и его оппонента, очень важна: автору нужно создать такой образ себя, который будет говорить читателю о его правоте. В полемике также необходим адресат, который должен быть распознаваем, в противном случае она теряет свой смысл. Адресат также может быть как эксплицитным (персонаж-противник в споре), так и имплицитным (та аудитория текста, которой на самом деле он и адресован). Читатель должен суметь провести четкую аналогию между полемикой в тексте и реальной жизнью, даже если адресат не называется прямо и завуалирован⁷. То же, в принципе, относится к теме полемики.

В данном случае Хеммерли выстраивает открытую (автор и адресант совпадают) и прямую (с прямо названным адресатом) полемику. Такое решение могло быть обусловлено тем, что аудитория сочинения, к которой на самом деле обращался Хеммерли, состояла из епископа Констанца и членов Базельского собора. По ходу диалога сменяется несколько обсуждаемых тем. Феликс обвиняет бегарда в лицемерии: имея от природы здоровое и сильное тело, тот отказывается работать и попрошайничает; он рядится в одежду ордена, но на самом деле не принадлежит к нему. Заняв сперва оборонительную позицию — «злись, но не бей»⁸, — подчеркивающую ярость Хеммерли, бегард отбивает нападки и сам переходит в атаку. Он призывает проявить уважение к его возрасту, называя себя не бегардом, но отшельником. Он не виноват, что от природы обладает здоровьем, ведь таким его сотворил Бог⁹. Он ничем не отличается от Хеммерли и ему подобных, ведь церковь и отшельники черпают свои доходы из одного и того же источника — милостыни. Церковь живет на такие же пожертвования, просто сумма одного лежит дома, а другой ходит с ней от дома к дому. Если на то пошло, то Хеммерли виновен в тех же грехах, что и бегард. Феликс объясняет, что подавание нищенствующим и доход клирика принципиально отличаются: первое — результат сочувствия и божьей милости, второе же подобно жалованью¹⁰. Клирик не трудится руками, но и не живет на подношение: он буквально получает «военное жалование» (*stipendium militare*), достойную плату за свой тяжелый труд¹¹, он принадлежит к «небесному воинству» (*militia celestis*). Служение каноника, таким образом, приобретает благородные черты.

Последний этап спора протекает в христологической плоскости, где Хеммерли удается доказать, что Христос никогда не побирався сам (он хозяин мира, которому уже принадлежит все сущее) и не призывал к этому других.

7 Lundström K. Polemik in den Schriften Melchior Hoffmans. Inszenierungen rhetorischer Streitkultur in der Reformationszeit. Stockholm: Stockholm University Press, 2015. S. 98.

8 «Irascimini et nolite percutere» (*Egner Eid E.* Op. cit. S. 146).

9 «Sed que validus elemosynis utor et bona quia deus docuit me: ex iuventute mea et usque nunc pronunciano mirabilia sua et usque in senectam et senium deus non derelinquit me» (*Ibid.* S. 147).

10 «Elemosyne est opus in quo datur aliquid indigenti ex compassione propter deum: sed fructus beneficiorum nostrorum non sunt huiusmodi. Probo sic quia fructus beneficiorum nostrorum stipendia sunt ergo non elemosyne quia stipendia et elemosyne quasi contraria sunt it patebit infra» (*Ibid.* S. 156–157).

11 «Nam non dicuntur salarium vel merces vel precium, quod servis datur, sed appellant stipendium militare et tributum» (*Ibid.* S. 162).

Озлобленный бегард осознает свое положение и удаляется, не желая больше спорить с Феликсом. В конце сочинения Хеммерли призывает епископа Констанца очистить свои земли от подобных бегарду. Полемические субъект и объект сочинения обладают большой долей конгруэнтности (совпадения художественного и реального образа), читатель видит, на чьей стороне правда, однако характерно то, как Хеммерли выводит себя в роли протагониста.

Хеммерли выглядит гораздо более агрессивным собеседником. Он первый нападает на бегарда, переходит от дискуссии к резким обвинениям. С каждой новой его репликой бегард, первоначально абсолютно не раздражительный и спокойный, начинает злиться и скрипеть зубами. В то же время оппонент Феликса в глазах читателя не выглядит проигравшей спор стороной. Хеммерли позволяет бегарду уйти фактически непобежденным: тот покидает место спора, замечая, что невозможно спорить с таким многоречивым человеком, поскольку он без конца будет извергать одни лишь ядовитые слова¹². Одним из объяснений такого сюжетного поворота может служить концовка сочинения, где Хеммерли сообщает, что бегард позже был пойман епископом вместе с другими, и рассуждает о том, что зло необходимо искоренять, как то может сделать епископ, ведь если ему не сопротивляться, то оно будет только расти. Зло, как, кажется, хочет донести автор, настолько прочно укоренилось в таких людях, что помочь могут только решительные меры. Полемика часто может быть адресована не непосредственно описанному в тексте адресату, а подразумеваемой аудитории¹³. В «*Contra mendicantes*» автор в действительности обращается не к бегарду, а к аудитории, обладающей властью и способной предпринять реальные действия.

Спустя год, в 1439 году, Хеммерли пишет новое сочинение: «Изложение ниспосланного с неба письма покровителей цюрихской церкви против пренебрегающих богослужением» («*Tenor epistole de celis misse per patronos ecclesie Thuricensis contra negligentes divinum cultum*»). К оппонентам Хеммерли, находящимся вне церкви, присоединяются ее члены: «*Contra negligentes*» — обращение, адресованное клирикам цюрихской церкви. Письмо написано от лица святых покровителей города — Феликса, Регулы и Экзюперанта. Святые патроны обеспокоены тем, что на небеса перестали попадать души цюрихского клира. Как оказывается, церковь города запятнала себя многочисленными грехами. Святые обращаются за советом к Карлу Великому, основателю города и Гросмюнстера. Карл Великий напоминает о Божественной каре за прегрешения, после чего патроны, проконсультировавшись с «многоопытным» магистром Иво Шартрским¹⁴, обращаются к клирикам с отповедью о важности клятв. Карл Великий объясняет, что клир устроил себе иерархию подобно небесной и был по воле небес материально обеспечен. Клирики добровольно стали рабами Божьими, никем не принуждаемые, они принесли клятву Богу и теперь должны честно ему служить и строго выполнять свои обязанности. То есть иерархия небесная и земная соединяются этой общей клятвой, которую приносит все тело Церкви в общем и каждый клирик в частности.

12 «*Et ideo contra verbosum nolo contendere verbis, quia nunquam hunc finem verba venenosa*» (Ibid. S. 195).

13 *Lundström K.* Op. cit. S. 111.

14 Иво Шартрский (1040–1115) — епископ Шартра, автор объемных сочинений по каноническому праву — «*Decretum*», «*Tripartita*» и «*Panormia*».

На этот раз Хеммерли использует метод скрытой полемики. Кантор Гросмюнстера в своей борьбе со злоупотреблениями капитула заставляет говорить полемический авторитет — патронов и Карла Великого. Такой художественный образ производит другой эффект, нежели прямое обращение: слова адресанта полемики, превратившегося из злословного Феликса в святых заступников, получают больший вес. Дополняется это введением полемических авторитетов в роли Карла Великого, к которому постоянно возвращается повествование, и Иво Шартрского.

Для всего сочинения ключевыми оказываются категории общинного и социального, которые выражаются в клятве, данной клириками. Клятва, по мнению автора, — адекватный способ доказательства своей позиции в споре. Но клятвой нельзя разбрасываться; чем важнее предмет клятвы (в случае клирика речь идет о самом серьезном предмете), тем священнее сама клятва. Клятвопреступник грешит не только перед Богом, но и перед обществом и теряет свою репутацию. Клирики связаны круговой порукой, обязывающей их исправлять ошибки друг друга. Устами святых Хеммерли указывает на конкретные случаи злоупотребления. Так, авторы письма замечают:

И все это творилось в таверне неподалеку от места, где мы по смерти сотворили чудо, придя сюда с берега реки, где были обезглавлены, взяв в руки собственные головы и где покоятся теперь наши тела. И вы на расстоянии всего 40 локтей от этого места устроили себе кабаки, где словом и делом унижали дух вышеупомянутого нашего основателя <Карла Великого>, и во время божественной службы совершали дерзостные поступки, а, может быть, совершаете и поныне¹⁵.

В конце концов, святые покровители обращаются к капитулу и настоятелю со строгим наказом блюсти порядок и опасаться гнева Карла Великого. Фигура Карла, как представляется, неспроста становится одним из главных действующих лиц, переставая быть только лишь полемическим авторитетом. Карл здесь апеллирует к светской власти в том числе. В своей борьбе с капитулом Хеммерли решил прибегнуть к помощи городских властей, сделав проступки каноников общинной проблемой.

«Против пренебрегающих» было закончено в самом начале января 1438 года, а всего через пару недель в результате заговора клириков на Хеммерли было совершено покушение: подсланный человек нагнал кантора в пути и нанес удар острым предметом. Подоспевшим крестьянам, а затем цюрихским врачам удалось вернуть к жизни полуживого Хеммерли, а лидер заговорщиков был лишен сана¹⁶. Интерпретировать этот эпизод как коммуникацию автора со своей аудиторией я, увы, не могу, хотя бы потому, что отношения Хеммерли с клиром ухудшались уже с конца 1420-х годов, до того, как кантор Гросмюнстера открыл в себе писательский талант. Хеммерли, однако, продолжил играть роль сатирика. В 1450 году он сочинил короткую пародию на универси-

15 «Et hoc aliquando apparet in quodam habitaculo, prout percepimus distantia loco, ubi post mortem operati sumus tanta mirabilia, quod de ripa fluminis ibidem, ubi decollari meruimus, nostris minibus capita portavimus et ubi corporaliter requisicimus, vix xl cubitis tabernam constituitis, ubi verbo et opera multi perpetrantur ecussus contra mantem fundatoris predicti et ubi tempore divinorum insolentias exercuistis et fortassis hodie exercetis» (*Egner Eid E. Op. cit. S. 296*).

16 *Halter-Pernet C. Op. cit. S. 111–113.*

тетский диплом: «Ученая степень по глупости» («*Doctoratus in stultitia*»). Он преподнес ее некому Андреасу, под именем которого скрывался клирик Сведер фон Гёттликон¹⁷. Феликс, «укрепитель глупцов» (*stultorum promotor*), выдает Андреасу, одному из самых талантливых учеников факультета глупости, выдержавшему все испытания, диплом, согласно которому он становится доктором глупости и имеет право «присуждать докторские и магистерские степени тем, кто удовлетворяет сему свойству, а также делать, назначать и избирать других дураками и публично совершать все прочие дурацкие поступки во всяком месте, подвластном Императорскому Величеству»¹⁸. Выдача университетского диплома обычно сопровождалась передачей головного убора, ключа и торжественным поцелуем чаши, так что Андреас получает пришитый к таллару¹⁹ капюшон, колпак дурака, сделанный из шкуры осла с оттопыренными ушами и звенящими бубенцами, а также искусно сделанное кольцо Сатурна и право поцеловать чашу, что в руке Господа, полную кипящего вина²⁰.

Карнавальный сюжет описан языком университетской риторики и официального документа. Однако Хеммерли не всегда стремился облечь гнев или иронию в художественные образы и нередко переходил к прямым оскорблениям²¹. Пример тому — «*Epistola contra quendam superbum clericum*» («Письмо против гордого клирика»), в котором Хеммерли критикует уже другого члена Гросмюнстера — Якоба Вальденбурга. Хеммерли обвиняет Якоба в неуважении и чрезмерной гордыне. Гордость Якоба своим происхождением не имеет под собой никакого основания, поскольку его настоящая фамилия — Пюрли (*Pürli*), что-то вроде «крестьянчика», «деревенщины». Отец Якоба, клирик Вернер, перебравшийся в Цюрих, стал именоваться по названию места рождения, сменив неблагозвучное Пюрли на Вальденбург. Тема низкого происхождения Якоба подкрепляется аргументом об отсутствии у него образования: он не закончил учебу, хотя долгое время транжирил на образование деньги своего отца²². В конце концов, говорит Хеммерли, он «нисколько не удивился бы, если бы высокомерный Вальденбург попытался выдать свою мочу за святую воду»²³.

17 Ibid. S. 164. Иронично, что сохранился диплом самого Хеммерли, выданный ему факультетом церковного права Болоньи, который считается одним из самых ранних образцов болонского диплома из всех сохранившихся. В конце XIX века его обнаружил цюрихский архивист — пергаменный диплом служил обложкой книги монастырских учетов.

18 «*Et ceteros huius facultatis sufficientes doctorizandi, magistrandi ac alios stultos faciendi, creandi, necnon eligendi et omnes alios actus publice stultitates exercendi loco quolibet imperiali maiestati subiecto plenam in domino praesentium tenore concedimus libertatem*» (Ibid. S. 292).

19 Длинное черное одеяние, которое носили, к примеру, священники и судьи.

20 «*Nam primum sibi contulimus caputium tunice talari firmiter consutum, hinc pirretum sive dyadema fatuale asinimo corio multum piloso de capite cum auriculis patenter extensis decoriatum et nobis benesonantibus constipatum, annulum quoque saturnitum tortuose compactum cum osculo calicis in manu domini vini meri pleni mixto glorianter duximus conferendum*» (Ibid. S. 292). Хеммерли влетает сюда аллюзию на псалом 74: 9, который призывает к покаянию нечестивцев. Те же, кто этого не сделает, изопьют из чаши гнева Бога.

21 *Halter-Pernet C.* Op. cit. S. 67. Сохранилось упоминание о ругательстве Хеммерли в адрес жителей города Люцерна, заманивших соперников в ловушку во время сражения. Он называет их нецензурным выражением «чертовы убийцы», *zers mörder*, где *zers* означает мужской половой орган.

22 Ibid. S. 165.

23 Ibid. S. 156.

Еще один соперник Хеммерли, не менее опасный, чем подосланный убийца, — швейцарцы-конфедераты. Швейцария того времени переживала политические изменения: противоречия между Цюрихом и семью кантонами, объединившимися в конфедерацию, вылились в военный конфликт за обладание графством Тоггенбург, так называемую Старую Цюрихскую войну (1440–1446). Исключенный из конфедерации Цюрих вступил в союз с австрийскими Габсбургами, с которыми на протяжении веков находился в тесных политических контактах, и заключил договор с императором Фридрихом III. За политическими изменениями стояли серьезные социальные сдвиги: политическая сила все больше оказывалась в руках городской патрицианской элиты, а также новых общинных объединений, таких как швейцарцы-конфедераты²⁴. Старый мир умирал, новый боролся за существование, а Хеммерли активно вовлекался в эту борьбу, вставая на сторону привычных социальных отношений.

Социально-политические взгляды Хеммерли воплотились в самое крупное его сочинение, написанное во второй половине 1440-х годов, — «*Dialogus de nobilitate et rusticitate*», что можно перевести как «Диалог о дворянстве и крестьянстве» или как «Диалог о благородстве и неотесанности». В нем Хеммерли снова сталкивает двух во всех смыслах далеких друг от друга персонажей. Благородный дворянин, заблудившись в лесу, встречает ужасного вида крестьянина, который соглашается помочь путнику. По дороге завязывается разговор, в котором каждый защищает свой социальный статус. Хеммерли разворачивает широкое полотно социальной критики и рефлексии о том, как должны быть устроены взаимоотношения между различными общественными группами. Общение безымянных героев проходит довольно миролюбиво, хотя не лишено колкой иронии, в первую очередь со стороны крестьянина. В последней главе герои, выступающие на протяжении предыдущих 32 глав антагонистами, внезапно находят общего врага. Крестьянин спрашивает дворянина, известно ли тому что-нибудь о швейцарцах, о которых слышал молву. Дворянин с охотой пускается в описание швейцарцев-конфедератов, которые сильно выделяются в очерченной героем картине общественного порядка. Швейцарцы не сеют и не жнут, не занимаются тяжелым, но достойным крестьянским трудом. Как люди благородного рода украшают себя красивыми перьями, так швейцарцы надевают на себя коровью шерсть. Хеммерли создает образ кричащих, беснующихся, всегда сбитых в кучку пастухов, не расстающихся с коровами, которых они без конца доят, пляшут с ними, держа за рога, и катаются на них. Конечно, при всем этом от них исходит ужасных запах, повергающий в шок иностранцев. Хеммерли допускает, что мужчины-швейцарцы сношаются с животными и потому подолгу оставляют своих жен, уходя со скотом в горы. Их дух, подобно гермафродиту, колеблется между женским и мужским²⁵.

В этой главе Хеммерли снижает накал полемики и делает швейцарцев новым, отдельным полемическим адресатом, одинаково отдаленным как для

24 *Langmaier M.K.* Felix Hemmerli und der Dialog über den Adel und den Bauern (*De nobilitate et rusticitate dialogus*). Seine Bedeutung für die Erforschung der Mentalität des Adels im 15. Jahrhundert // *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*. 2018. Vol. 166. S. 69.

25 «*Nam quodammodo virilis animi natura titibante quemadmodum in hermofrodita mysterium perturbant et feminei sexus officium viliter effeminatim impudenter usurpant*» (*Halter-Pernet C.* Op. cit. S. 256).

дворянина, так и для крестьянина. Для этого Хеммерли говорит о швейцарцах в сословных категориях, а не этнических, ограничивает их круг занятий. Далее дворянин сосредотачивается на истории швейцарцев, полной неповиновения и насилия. С самого начала своей истории швейцарцы восставали и оспаривали законную власть, выступая сперва против Карла Великого, затем дворянства и духовенства. Они посягают на то, что им по определению не принадлежит, действуют вопреки установленным правилам, божественным заповедям и общественному порядку.

Общую картину довершает описание разграбления монастырей и церквей. Хеммерли создает ощущение спланированного и продуманного акта вандализма. Все действия сплоченных швейцарцев последовательны. Сначала разграблению подвергаются монастырские помещения, затем уничтожаются хранилища книг и документов. Сгорают церковная утварь и одеяния монахов, швейцарцы выпивают и съедают все уготованное для евхаристии, забирают с собой дарохранительницы и избивают монаха²⁶.

Швейцарцы не забыли злоречивому клирику его слова. Вскоре Цюрих примирился с враждующими кантонами и вновь вошел в конфедерацию, устроив по этому поводу городские празднества. 18 февраля 1454 года возбужденная толпа приглашенных швейцарцев попыталась свести счеты со своими бывшими политическими оппонентами: после неудачной попытки схватить члена городской стражи Ганса Асперса толпа двинулась к дому Хеммерли, где тот был захвачен и отправлен к епископу Констанца. Задержание кантора было санкционировано как церковными, так и городскими властями; все движимое имущество, включая рукописи и личную библиотеку, было разграблено. Попытки покровителей Хеммерли повлиять на сложившуюся ситуацию не увенчались успехом. Остаток жизни кантор провел в заточении, где умер около 1458 года.

В последние годы жизни Хеммерли писал много, не сбавляя темпа. Из порядка 40 сохранившихся сочинений больше половины были написаны за последние восемь лет жизни, включая автобиографические работы, из которых мы знаем о большинстве конфликтов кантора Гросмюнстера. Далеко не все сочинения Хеммерли содержат прямую или даже прикрытую полемику. Среди них выделяют и юридические, и нравоучительные, и естественно-научные тексты, посвященные часто повседневным проблемам и темам, что делает наследие швейцарского автора ценным историческим источником²⁷. Тем не менее известно больше его врагов, чем друзей. Хотя бы кратко каждый из них имел возможность продемонстрировать, как именно ему было нанесено оскорбление. Сторона обвинения неоднородна. Недоброжелатели Хеммерли имели мало общего между собой, и если бы они могли причудливым образом объединиться, то только в порыве ненависти к общему врагу. В конце концов, Хеммерли был повержен реальными политическими силами, оказавшимися сильнее него.

26 Ibid. S. 270. См. также: *Langmaier M.K.* Hass als historisches Phänomen. Gräueltaten und Kirchenschändungen im Alten Zürichkrieg am Beispiel einer Luzerner Quelle von 1444 // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.* 2017. Bd 73. № 2. S. 639–686.

27 *Fürbeth F.* Heilquellen in der deutschen Wissensliteratur des Spätmittelalters: Zur Genese und Funktion eines Paradigmas der Wissensvermittlung am Beispiel des «Tractatus de balneis naturalibus» von Felix Hemmerli und seiner Rezeption. Wiesbaden: Reichert, 2004. S. 116–118.

Своеобразие трактатов Хеммерли не исчерпывается только лишь полемическими приемами, но они определенно являются сильной стороной его творчества, наиболее легко считываемой. ореол полемике, сатиры и бескомпромиссной критики настолько сильно закрепился за всем наследием Хеммерли, что все последующие века его воспринимали не иначе как воинствующего ученого. Говоря современным языком, Хеммерли — остросоциальный публицист, труды которого разнообразны и не лишены чисто художественных амбиций, но всегда направлены на исправление социальных несправедливостей. Такое восприятие фигуры Хеммерли было свойственно историкам, которые и представляют сторону защиты на нашем процессе.

Хеммерли как писатель региональный всегда интересовал в первую очередь швейцарских историков. В 1846 году базельский клирик и историк Балтазар Ребер посвятил Хеммерли 500-страничное исследование, самое объемное из всего о нем написанного, — «Феликс Хеммерлин из Цюриха». Фигура цюрихского кантора интересовала реформационных и постреформационных авторов и до Ребера, но труд последнего сформировал ракурс, под которым наследие Хеммерли рассматривали более поздние ученые. Оставаясь внешне классическим историческим нарративом образца XIX века, с большим количеством новых источников и подробным воссозданием контекста того времени, эта биография как бы продолжает спор с обидчиками Хеммерли. Теологов XVI–XVIII веков, Иоганна Якоба Хоттингера, Генриха Буллингера или Иоганна Генриха Хайдеггера, интересовавшихся судьбой Хеммерли и послуживших источниками для Ребера, привлекал образ узника совести. Его и развил базельский историк. Ребер в самом деле структурирует свою работу по «источникам». Более половины текста — пересказ или транскрипция текстов Хеммерли, которыми автор решает ограничиться. Но примечательно здесь не только не критическое следование тому, что о себе или своих оппонентах писал сам Хеммерли, но и способ изложения источников — Ребер чередует оригинальные латинские предложения со своими пересказами на немецком.

Ребер, по-видимому, действительно стремился рассказать в первую очередь о судьбе героического соплеменника на фоне больших изменений XV века²⁸. Драматическая история кантора из Цюриха встала в ряд с другими биографиями героических швейцарцев, написанными Ребером²⁹. С еще большим просветительским интересом к судьбе Хеммерли отнесся другой швейцарский историк — Герман Вальзер. Изданная им в 1940 году биография Хеммерли («Магистр Хеммерли и его время, 1388–1458») еще дальше отходит от беспристрастного повествования: книга не снабжена аппаратом, хотя цитирует Вальзер много. Его книга — переложение Ребера и всего, что было сказано о Хеммерли ранее, на язык, доступный широкому читателю. Его герой — характерный персонаж, добывающий справедливости, но обреченный на провал:

28 *Reber B. Felix Hemmerlin von Zürich: Neu nach den Quellen bearbeitet.* Zürich: Meyer u. Zeller, 1846. S. 1–17.

29 См.: *Reber B. Georg Jenatsch, Graubündtens Pfarrer und Held, während des 30jährigen Krieges.* Basel: Schweighausersche Verlagsbuchhandlung, 1860; *Reber B. Der Aufstandsvorschlag des Majors (Johann Daniel Abraham) Davel in der Waadt im Jahre 1723.* Basel: Verlag Carl Schultze, 1875.

Сто тридцать лет назад Иоганн Мюллер писал о магистре Хеммерли: «На протяжении трехсот лет, вплоть до моей юности, его имя оставалось для обывателя поговоркой о том, “кто что-то делает, но чье начинание не приносит успеха” (Буллинггер), о человеке изобретательном в идеях и неудачливом в их воплощении». Но даже в мое время отец называл того, кто брался за многие дела, но никогда не доводил их до успешного завершения, настоящим магистром Хеммерли³⁰.

Даже в наши дни история Хеммерли продолжает восприниматься через этическую оптику. Эрика Эгнер Айд, участвовавшая в переводе текстов Хеммерли для монографии своей коллеги Халтер-Перне несколько лет назад, недавно выпустила свою книгу о Хеммерли, замечательную помимо прочего критическим двуязычным изданием некоторых его текстов. В предисловии к ней она признается:

Хеммерли сопровождал меня все эти годы, в течение которых многие другие вещи отходили на второй план. Изучая его жизнь и творчество, я поняла, что имею дело не только с чрезвычайно эрудированной личностью, но и с человеком высоких моральных качеств. Мировоззрение этого человека, его мужество указывать на злоупотребления церкви того времени, конечно, всегда в надежде, что его речи возымеют положительный эффект, произвели на меня огромное впечатление и до сих пор производят. Он не мог молчать, когда дела шли не так, как должны были, и надеялся, что его слова приведут к благоприятным переменам. Вышло иначе — перемен никто не планировал, и надоедливый клирик был навсегда устранен!³¹

Эгнер Айд полемизирует с теми немногими исследователями, кто уличает Хеммерли в жадности до новых пребенд и сводит его творчество к попытке устранить конкурентов³², а Генрих Вальтер, анализируя трактат Хеммерли об экзорцизме, готов согласиться с теми, кто приписывает кантора к первым северным гуманистам лишь на основе того, что размышления последнего о суевериях были снисходительнее до нужд народа, чем схоластические трактаты его современников³³.

Большинство исследователей, вовлекаясь в полемическую игру Хеммерли, начинало сопереживать борьбе кантора, откликаясь на нападки его соперников, так что в исследованиях его творчества зачастую и правда слышатся отзвуки судебного процесса, который тот незадолго до своей смерти устроил себе сам. В одном из своих последних сочинений — «Перечень жалоб» («Registrum Querele») — узник францисканского монастыря уповает на правосудие: ангел, видя страдания несчастного магистра и кантора, предстает перед Богом с подробным перечнем всех его тягот. По поручению епископа Констанца Хеммерли был схвачен и как преступник заточен генеральным викарием Гундельфингером, который позже устраивает допрос. В ход идут обвинения в нарушении клятвы епископу, антипапской риторике текстов Хеммерли, где тот, к примеру, критиковал практику Юбилейного года³⁴ и прочие папские инициативы.

30 *Walser H.* Op. cit. S. 9.

31 *Egner Eid E.* Op. cit. S. 7.

32 *Ibid.* S. 260–261.

33 *Walter H.* Op. cit. S. 260–261.

34 1300 год по указу папы Бонифация VIII стал первым Юбилейным годом, когда каждый мог получить полное отпущение грехов, если совершал паломничество к городским святыням Рима. Первоначально праздновать Юбилейный год планировалось каждые 100 лет, однако впоследствии интервал сократился до 25.

Парирующий все обвинения Хеммерли все равно остается под стражей, и ангел после Божественного одобрения устраивает суд, судьей на котором выступает святой Конрад, бывший епископом Констанца в X веке. Небесный посланник вызывает викария на суд, однако тот, как острит автор, прийти не может, ведь он, в конце концов, вынужден заботиться о благополучии 44000 душ, в то время как магистру Феликсу приходится беспокоиться только о своей собственной³⁵. Суд завершается оправданием земного узника, которого, согласно вердикту святого Конрада, надлежит освободить и которому следует вернуть все отнятое имущество, а также принести искренние извинения. Ангел спускается к Хеммерли и приносит ему радостную весть, что небесное заступничество помогло, причем манера заступничества ангела перед Богом подается довольно оригинально: «Да будет известно вашему божественному величеству, что будь Феликс на свободе, по множеству пунктов он ответил бы решительнее и крепче ухватил бы Левиафана за нервы его яичек»³⁶.

Так ангел завершает свой рассказ о допросе Феликса Хеммерли викарием Николаем Гундельфингером. Необычная фраза, по-видимому, обыгрывает 40-ю главу Книги Иова. Текст главы сосредоточен на образах Бегемота и Левиафана — двух всемогущих, могучих и непобедимых человеческим оружием и хитростью монстров, созданных Богом. Бегемот, *верх путей Божиих*, среди прочего наделен *жилами, переплетными на бедрах*³⁷. Именно за них Хеммерли и намерен крепко ухватить монстра.

Неясно, идет ли здесь речь о викарии, который в этом сочинении играет главную роль антагониста, или всех погрязших в грехах клириков Цюриха и соседних диоцезов. Манера Хеммерли находить себе все новых врагов, оставаясь при этом законным членом Церкви, чтущим в первую очередь социальный порядок, дает основания полагать, что Бегемот для него — это все то многоликое зло, которое еще вчера было тучным бегардом, а сегодня уже помощник епископа³⁸. Обращение историков к борьбе и страданиям Хеммерли с их нравоучительным итогом вполне объяснимо. Вовлеченный во властную структуру клирик при помощи текстов, призывающих к надлежащей, как ему кажется, системе власти и подчинения, вдруг сам нарушает порядок и оказывается неуютным тем, кто обладал большей властью, чем он.

Однако те же самые исследователи, симпатизирующие Хеммерли в его внутрицерковной полемике, критикуют его стиль письма, характеризуя его не иначе как темный. Общее мнение полнее всего выразил Генрих Вальтер:

Противоречия образа мыслей Хеммерли нередко осложняются его латынью <...> пониманию текста препятствует местами едва уловимая логическая структура его латыни. Например, многочисленные условные формы, которые использует Хем-

35 Halter-Pernet C. Op. cit. S. 367.

36 «Sciat igitur divine tue claritatis maiestas, quod, si Felix in libertate fuisset constitutus, in pluribus punctis certius respondisset et nervos testicularum Leviathan acrius tetigisset» (Ibid. S. 386).

37 Иов 40:10–12: «Ecce behemoth <...> stringit caudam suam quasi cedrum; *nervi testicularum ejus perplexi sunt*».

38 На обвинение викария в многочисленных «ошибках», которые Хеммерли допустил в своем первом сочинении против бегардов, Хеммерли замечает: «Правда, у самого викария это сочинение хранилось дома более 15 лет, и прежде он никогда на него не жаловался» (Halter-Pernet C. Op. cit. S. 356).

мерли, лишают ясности тот иерархический порядок, который они подчеркивают, связь предложений остается проблематичной³⁹.

Варварская латынь, обилие плеоназмов и путаная структура предложений затрудняют исследователям путь к текстам Хеммерли по сей день⁴⁰. Критически изданы не более десятка его небольших текстов, в то время как большая их часть, включая *magnum opus* «Диалог о дворянстве», доступна либо в первопечатном, либо в рукописном варианте конца XV века⁴¹. Здесь, следует полагать, причина того двойственного положения, которое занимает Хеммерли в исследованиях историков: если его жизнь и высказывания вызывают любопытство, то язык отталкивает или оставляет в недоумении. Несмотря на весомый вклад Эгнер Эйд и Хальтер-Пернет, Хеммерли все еще остается заложником своей удивительной судьбы: трудно найти ему место в интеллектуальной среде и в риторике его времени. Литературные традиции, питающие его обреченность, остаются вне области интересов пишущих о нем.

Примером последнего утверждения послужат голоса еще одних свидетелей со стороны защиты Хеммерли — его современников⁴². Парадокс нашего процесса в том, что те, кого можно условно отнести к его сторонникам, не согласны друг с другом. Современники Хеммерли не замечают его варварскую латынь. Один из первых немецких гуманистов Никлас фон Виле (1410–1497), друг Энеа Сильвио Пикколомини, знакомый с Хеммерли лично, издал в 1478 году «Translatzen» («Транслации» или «Онемечивания») — перевод на немецкий язык 18-ти латинских текстов, где среди сочинений прославленных итальянцев нашлось место и «Против нищенствующих» Хеммерли. В предисловии к переводу Виле рассказывает о своем друге:

У него всегда был полный стол гостей, которых он обильно потчевал не только едой и питьем, но и прелестными и приятными шванками, речами и всевозможными историями и свидетельствами, частью смешными, частью серьезными (в зависимости от того, что доставляло гостям удовольствие), так что не было никого из тех, кто его слушал, кто не покорился бы его воле и не желал бы слушать его еще чаще. <...> Он не отказывал в своих книгах никому, кто, желая учиться, его об этом просил. Его книг я насчитал порядка трех с половиной сотен. Он был большим любителем песнопений, картин, всего искусства, красоты и историй, и во всем хотел разобраться настолько, насколько ему удавалось это постичь. И я не знаю еще такого человека, который был бы с ним сравним в этой добродетели. <...> И имя его с сочинениями среди ученых и латинистов

39 *Walter H. Op. cit. S. 216.*

40 Резюме критики стиля Хеммерли см. в: *Egner Eid E. Op. cit. S. 135–138.*

41 См. критические издания разной степени проработанности: *Egner Eid E. (2022), Halter-Pernet C. (2017), Walter H. (2007).*

42 Энео Сильвио Пикколомини и первый профессор церковного права Базельского университета Петер фон Андлау использовали фрагменты из «*Liber de Nobilitate*» в своих собственных сочинениях. В одном случае для повествования об истории Австрии, в другом — для книги о праве Римской Империи. Цюрихский гуманист Феликс Фабри, родившийся в 1438 году, разделял антишвейцарские настроения своего предшественника и охотно воспринял его полемический дискурс. Сам Брант разделял продворянские и процюрихские взгляды Хеммерли. Написанные им в последние годы жизни трактаты об экзорцизме выходили в одном издании с «Молотом ведьм» в течение XVI и XVII веков, а трактат «*De balneis naturalibus*» («О природных источниках») получил несколько переводов на территории Германии.

перешло в вечность, так что, несмотря на смерть, он продолжает жить и никогда не будет забыт⁴³.

Но даже больше, чем Виле, Хеммерли обязан Себастьяну Бранту (1458–1521), знаменитому швейцарскому гуманисту. Именно Брант в 1497 и 1500 годах подготовил печатные издания известных ему текстов Хеммерли: в издание 1497 года вошли трактаты, написанные Хеммерли на свободе, а издание 1500 года целиком занимает текст «Диалога о дворянстве». Собрание сочинений Хеммерли Брант посвятил курфюрсту и епископу Герману Гессенскому (1450–1508). В посвящении Брант так представляет епископу труды Хеммерли:

Читатель обнаружит множество простых забав, язвительных шуток и хитроумных речений этого мужа, колкого магистра-киника, который всюду и непрестанно разит своих врагов. А потому по праву его можно уподобить цикаде, что, стоит только ее коснуться, не скоро прекращает стрекотать. Обличая свое время, он порицал и возмущался бесславным деянием. Стилль же сочинений его хотя низкий и простой, но вполне привычный и, если дух Плавта в нем слышится лишь отдаленно, зато он превосходит того остроумиями и шутками. Прими же, светлейший епископ, эти книжечки, кои тебе посвящаю. И если в часы отдохновения решишь обратиться к ним и будешь листать их со строгим и задумчивым лицом, постигая написанное, то в конце концов едва ли сможешь сдержать смех⁴⁴.

Отправляя своему покровителю работы Хеммерли, переполненные нападками на решения церковных иерархов, Брант рассматривает их скорее как развлекательное чтение. Это небольшое свидетельство автора «Корабля дураков», знавшего толк в ярких образах, как кажется, контрастирует с тем, за что обычно критикуют или хвалят Хеммерли. Для северных гуманистов тексты Хеммерли оказываются любопытны именно с художественной точки зрения, и этот фокус с тех пор теряется среди дискуссий о справедливости или несправедливости нападков цюрихского кантора.

В своей недавней монографии, посвященной латинской поэзии XV века⁴⁵, Томас Хайе разбирает несколько стихотворений, написанных Хеммерли в последние годы жизни, резюмируя свой анализ следующим образом:

В целом, стихотворение представляет собой диковинную смесь из жалоб, индивидуальной молитвы и морально-сатирической композиции, в которой осуждаются социальные пороки. <...> Единственный необычный момент заключается в том, что Хеммерли обрабатывает одну и ту же тему как в метрическом, так и в ритмическом вариантах. Очевидно, что последняя была написана в начале и послужила образцом для первой. <...> Зачем Хеммерли вообще взялся за такой художественный проект, ответить трудно. Возможно, он считал гекзаметр более совершенной формой выражения.

Наше рассмотрение завершается в месте, с которого бы следовало начать более полный и детальный разговор о достоинствах Хеммерли как автора и о том,

43 Wyle N. *Translatzen* / Hg. von A. Keller. Stuttgart: Bibliothek des Litterarischen Vereins in Stuttgart, 1861. S. 158–159.

44 *Brant S. Clarissimi viri iuriumque doctoris Felicis Hemmerlin cantoris quondam Thuricensis. Varie oblectationis opuscula et tractatus*. Strassburg: Jordanus de Quedlinburg, 1497. f.3.

45 *Haye T. Frühhumanismus in Deutschland. Eine Geschichte der lateinischen Poesie im 15. Jahrhundert*. Stuttgart: Anton Hiersemann Verlag, 2023. S. 212.

как его стиль соотносился с литературными переменами XV века, о которых, однако, исследователи Хеммерли почти не говорят. В этом смысле некоторым авторам повезло больше. Ратерий Веронский, епископ X века, из всех средневековых узников, искавших утешение и находивших его в писательстве, больше других похож на нашего героя. Этот клирик, не оставивший ученых занятий, посвятил свою жизнь политическим и церковным интригам, несколько раз оказывался в заточении и изгнании и оставил после себя тексты, столь же полемичные и сложно написанные, сколь поражающие своим психологизмом. Витиеватость стиля, политическое тщеславие, шутовские образы, сложная, местами едва переводимая игра слов и неразъясненных аллюзий — все это, по мнению великого филолога Эриха Ауэрбаха, особый литературный маньеризм, древний стиль, одним из самых талантливых выразителей которого Ауэрбах считает Ратерия⁴⁶. Вероятно, язвительная и темная манера сочинений Феликса Хеммерли заслуживает такого же суда.

Мы же, наконец, можем констатировать одну из ключевых особенностей творчества Хеммерли: оно вызывало неизменное неприятие церковных властей (неважно, каких именно) и интерес со стороны современников и исследователей. Представляется, что причина такого восприятия кроется в одном и том же — свойстве Хеммерли перерабатывать типологическое в индивидуальное. В попытке выразить определенный взгляд на происходящие социально-политические изменения, даже если этот взгляд являлся «официальной», а не личной позицией, Хеммерли использовал все возможные художественные формы и решения, что наделяло его высказывание собственным голосом и вызывало любопытство у современников, имеющих отношение к сочинительству. Для Церкви же как структуры, частью которой он являлся, подобное, вполне очевидное, индивидуальное начало со временем превратилось в проблему, несмотря на то что Хеммерли до самого конца признавал справедливость властной иерархии и главенство папы по всем вопросам. Иными словами, при всех недостатках Хеммерли как автора, то, что делало его любопытным в глазах некоторых читателей, одновременно становилось серьезным недостатком со стороны церковных властей.

Библиография / References

Ауэрбах Э. Историческая топология. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022.

(Auerbach E. Istoricheskaya topologiya. Moscow, 2022.)

Brant S. Clarissimi viri iuriumque doctoris Felicis Hemmerlin cantoris quondam Thuricensis. Varie oblectationis opuscula et tractatus. Strassburg: Jordanus de Quedlinburg, 1497.

Fürbeth F. Heilquellen in der deutschen Wissenschaftsliteratur des Spätmittelalters: Zur Genese

und Funktion eines Paradigmas der Wissensvermittlung am Beispiel des «Tractatus de balneis naturalibus» von Felix Hemmerli und seiner Rezeption. Wiesbaden: Reichert, 2004.

Langmaier M.K. Felix Hemmerli und der Dialog über den Adel und den Bauern (De nobilitate et rusticitate dialogus). Seine Bedeutung für die Erforschung der Mentalität des Adels im 15. Jahrhundert // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. 2018. Bd. 166. S. 21–76.

46 Ауэрбах Э. Историческая топология. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022.

- Langmaier M.K.* Hass als historisches Phänomen. Gräueltaten und Kirchenschändungen im Alten Zürichkrieg am Beispiel einer Luzerner Quelle von 1444 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 2017. Band 73. № 2. S. 639–686.
- Lundström K.* Polemik in den Schriften Melchior Hoffmans. Inszenierungen rhetorischer Streitkultur in der Reformationszeit. Stockholm: Stockholm University Press, 2015.
- Egner Eid E.* Der Chorherr Felix Hemmerli im Spiegel einiger seiner kirchenpolitischen Schriften. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2022.
- Cardelle de Hartmann C.* Kirchenstreit und humanistischer Dialog: Piccolominis Libellus dialogorum de generalis concilii auctoritate et gestis Basiliensium // Polemik im Dialog des Renaissance-Humanismus: Formen, Entwicklungen und Funktionen / Hg. von U. Baumann, A. Becker, M. Laureys. Bonn: Bonn University Press, 2015. S. 37–62.
- Reber B.* Felix Hemmerlin von Zürich: Neu nach den Quellen bearbeitet. Zürich: Meyer u. Zeller, 1846.
- Haye T.* Frühhumanismus in Deutschland. Eine Geschichte der lateinischen Poesie im 15. Jahrhundert. Stuttgart: Anton Hiersemann Verlag, 2023.
- Halter-Pernet C.* Felix Hemmerli, Zürichs streitbarer Gelehrter im Spätmittelalter. Zürich: Chronos, 2017.
- Walter H.* Der Exorzismus-Traktat des Felix Hemmerlin // Mediaevistik. Internationale Zeitschrift für interdisziplinäre Mittelalterforschung. 2007. Bd. 20. S. 215–273.
- Walser H.* Meister Hemmerli und seine Zeit 1388–1458. Zürich: M.S. Metz, 1940.
- Wyle N.* Translatzen / Hg. von A. Keller. Stuttgart: Bibliothek des Litterarischen Vereins in Stuttgart. 1861.